АЗИЯ 08.04.2020 | Темур Умаров

На пути к Pax Sinica

Рост китайского влияния в странах Центральной Азии вызывает отторжение и беспокойствою. Как эффективно уравновесить влияние Пекина?

За последние тридцать лет существования независимых Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана важнейшим партнером для каждой из этих стран стал Китай. Дальнейшее развитие региона уже сейчас невозможно представить без сотрудничества с Пекином.

Торговля, инвестиции, инфраструктурные проекты и другие инструменты, используемые Китаем, создают в евразийском регионе основу для его будущего доминирования во всех сферах — Pax Sinica. Однако этот процесс проходит не так гладко, как хотелось бы руководству КНР. В странах Центральной Азии сильны страхи перед «китайской экспансией». Иногда они выливаются в протесты и конфликты с китайскими рабочими и представителями бизнеса.

Обществу хочется знать: действительно ли отношения их стран с Китаем строятся по принципу win-win, беспроигрышной игры, как это декларируется с высоких трибун? Или такое сотрудничество выгодно только Китаю? Не пользуется ли Пекин слабостью политических режимов и отсутствием экономических мускулов у стран региона, чтобы создать там зону своего экономического преобладания?

На эти вопросы пытаются ответить и сами лидеры стран Центральной Азии. Растущая зависимость от Китая вызывает все большую озабоченность и скрытую дискуссию о том, как эффективно уравновесить влияние Пекина.

Подступы к Pax Sinica

На первый взгляд, стратегия Китая в Центральной Азии не меняется уже несколько десятилетий. Пекин по-прежнему придерживается трех основных правил: не вмешиваться во внутренние дела стран и

их отношения друг с другом; делать упор на экономическое сотрудничество; стремиться поднять свою репутацию.

Такая стратегия была крайне успешной в Центральной Азии. Китай стал удобным партнером, так как в обмен на активное экономическое сотрудничество требовал лишь приверженности принципу «единого Китая» (признания Тайваня неотъемлемой частью КНР) и борьбы против «трех зол» — терроризма, экстремизма, сепаратизма. Все остальное регулируется по-восточному — негласными правилами.

Интересы Китая в Центральной Азии связаны с тремя основными особенностями региона. Во-первых, это своего рода буферная зона между опасными для соседних стран Афганистаном и Синьцзян-Уйгурским автономным районом внутри Китая. Во-вторых, страны Центральной Азии богаты природными ресурсами. Китай, как самый крупный в мире потребитель нефти и газа, не мог проигнорировать энергетическую ценность региона. В-третьих, регион географически расположен в центре Евразийского континента и потенциально вполне мог бы стать его транзитным сухопутным узлом.

Жесткая сила

Для Китая интересы безопасности самые приоритетные, но при этом китайского военного присутствия в регионе долгое время не было. Свои интересы Китай отстаивал с помощью инструментов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и полагался на военное присутствие России. Однако теперь поведение Пекина меняется.

Первым постом стала недавно появившаяся база в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, недалеко от границы с Афганистаном и КНР. Официально это пограничная застава таджикских войск, построенная на китайские деньги. Соглашение между правительствами Таджикистана и Китая о строительстве семи пограничных застав и тренировочных центров на таджикско-афганской границе было подписано в 2016 году. Китайцы выделили гранты и построили три комендатуры, пять пограничных застав и постов, учебный центр.

Из-за географических и стратегических особенностей Таджикистана Китай уделяет ему особое внимание в сфере безопасности. В 2016 году КНР инициировала создание нового регионального механизма, куда включила Таджикистан, Пакистан и Афганистан. С тех пор начальники генштабов четырех стран регулярно проводят

совещания.

Китайское участие в обеспечении безопасности региона не ограничивается попытками разместить там военные объекты. Между странами процветает военная дипломатия. С 2003 по 2016 год состоялось 102 встречи высокопоставленных представителей оборонных ведомств Китая с коллегами из центральноазиатских стран.

Кроме того, с 2002 года КНР проводит военные учения с участием армий стран Центральной Азии в рамках ШОС и на двусторонней основе.

КНР сегодня — крупный производитель и экспортер вооружения. Китайские боевые беспилотники Wing Loong-1 концерна AVIC состоят на вооружении Узбекистана и Казахстана. Таджикистан закупал китайские бронеавтомобили и патрульные машины; Туркмения — ракеты наземного базирования, переносные зенитно-ракетные комплексы третьего поколения QW-2 и мобильные радиолокационные станции боевого режима.

Другим важным форматом взаимодействия в оборонной сфере служит обмен опытом и обучение, которое НОАК предоставляет военным стран Центральной Азии.

Китай также предоставляет государствам Центральной Азии военно-техническую помощь. Прозрачной и официальной статистики по ее масштабам нет, и судить об этом можно только по сообщениям СМИ.

Торговля

Экономический рост стран Центральной Азии во многом зависит от Китая, но у разных стран в разной степени. Для Туркмении, к примеру, Китай три года был практически единственным источником притока в бюджет иностранной валюты.

Российский «Газпром» более трех лет вообще не закупал газ у «Туркменгаза», расторгнув в начале 2016 года 25-летний контракт из-за ценовых споров. Пока Ашхабад и «Газпром» судились и договаривались о цене на газ, почти 80% туркменского экспорта ($8,1 млрд) было направлено в Китай. Суммарный объем поставленного из Туркмении в Китай природного газа по состоянию на октябрь 2019 года достиг 252,1 млрд кубометров.

Для центральноазиатских стран сегодня китайская доля составляет около 22% всего экспорта и 37% импорта

Экспорт энергоресурсов служит важным способом пополнять бюджет не только для Туркменистана, но и для Казахстана и Узбекистана. Во всем импорте энергоресурсов Китая доля этих трех стран составляет 3,4%. Страны Центральной Азии к тому же занимают большую долю в китайском импорте цинка (21%), свинца (20,9%) и продуктов неорганической химии (10%).

В целом, по данным таможенной службы КНР, за 2018 год товарооборот с пятью странами Центральной Азии составил более $41,7 млрд. И хотя в импорте КНР на эти страны приходится всего 0,8%, а в экспорте — 0,9%, асимметричная зависимость региона от Китая растет. Для центральноазиатских стран сегодня китайская доля составляет около 22% всего экспорта и 37% импорта.

Инвестиции

Говоря о Китае в Центральной Азии, нельзя пройти мимо инициативы «Пояса и пути», которую Си Цзиньпин запустил в 2013 году в Казахстане. Страны Центральной Азии оказались, по сути, в центре сухопутной части инициативы — «Экономического пояса шелкового пути». С идеологической точки зрения проект «Пояс и путь» пришелся как нельзя кстати: историческая роль региона в развитии всего Евразийского континента — важная составляющая национальной политической культуры каждой из стран Центральной Азии. Но оказалась ли инициатива полезной для их экономики?

По данным Министерства коммерции КНР, всего в 2018 году объем накопленных прямых китайских инвестиций в пять стран Центральной Азии составляет $14,7 млрд (1,2% всех инвестиций Китая в страны Азии). В 2013 году этот показатель был на 40% меньше ($8,9 млрд).

Однако связывать такой рост инвестиций исключительно с появлением инициативы не совсем правильно. Крупные инвестиционные проекты сосредоточены в энергетике и смежных секторах экономики. Но интерес к таким проектам существовал и до «Пояса и пути»: нефтепровод из Казахстана в Китай был запущен еще в 2005 году — до объявления этой инициативы. К тому же в последние годы наблюдается скачок инвестиций в Узбекистан — скорее всего, это связано с улучшением в стране инвестиционного

климата после транзита власти.

Костяк сотрудничества Китая с регионом — газопровод «Центральная Азия — Китай» — был построен в 2009 году, тоже до появления инициативы «Пояса и пути». Проблемы как раз появились после. В 2016-м должны были запустить четвертую нить газопровода (Line D). Строительство этой линии неоднократно откладывали, и казалось, что ее уже не построят. Но, похоже, настойчивость узбекской стороны вернула проект к жизни: в Таджикистане к концу января 2020 года уже завершили строительство первого тоннеля.

Технологии

Большая доля импорта из Китая в страны Центральной Азии приходится на товары с высокой добавочной стоимостью: машины и оборудование, электротехника, запчасти (в 2018 году их доля в экспорте Китая в Центральную Азию составила более 28%).

Власти центральноазиатских стран не скрывают интереса к китайскому ноу-хау в сфере социального кредита. В апреле 2019 года во время государственного визита в Китай президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев посетил Центр исследований и разработок компании Huawei в Пекине. В числе прочего президента ознакомили с разработками в сфере «безопасного города». Через несколько месяцев, в сентябре, на заседании межправительственного комитета с Китаем было подписано соглашение на внедрение системы «безопасный город» в регионах Узбекистана на $1 млрд.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в ходе двухдневного государственного визита в Китайскую Народную Республику в сентябре 2019 года посетил другую китайскую технологическую компанию — Hikvision. Вернувшись в Казахстан, президент поручил перенять опыт Китая в области цифровизации данных о гражданах. Уже через месяц в столице тестировали новый способ оплаты проезда в автобусах с использованием биометрических данных пассажиров — FacePay.

Своя система «безопасного города» есть в Таджикистане и Киргизии.

Мягкая сила

Несмотря на большие объемы торговли, потоки инвестиций и

закупки технологий, общество в Центральной Азии мало знает о современном Китае. В странах региона, за исключением Казахстана и частично Киргизии, люди, принимающие решения, тоже плохо представляют себе интересы КНР. Пекин эту ситуацию понимает, поэтому работает над выстраиванием правильного имиджа.

С 2000 по 2017 год общее количество официальных визитов представителей власти провинциального и республиканского уровня из КНР в страны Центральной Азии и обратно достигло 722. А китайские эксперты вроде Джастина Ифу Линя привлекаются правительствами в качестве советников.

Главным символом китайской мягкой силы стали Институты Конфуция и классы китаеведения (всего в Центральной Азии их 37). Карьерные возможности, которые открывает знание китайского языка, притягивают молодое поколение стран Центральной Азии.

Кроме того, Китайское министерство образования и Канцелярия Международного Совета китайского языка не скупятся на гранты для тех, кто хочет поехать в КНР получать высшее образование. За 2010–2018 годы абитуриентам из Центральной Азии было выдано более 5 тысяч грантов на обучение, а число студентов из стран Центральной Азии, получающих образование в Китае, достигло в 2017 году почти 30 тысяч.

Преграды на пути

Экономическое проникновение КНР в регион провоцирует все больше конфликтов. Общество и элиты обеспокоены растущим влиянием Китая, которое накладывается на коррупционные практики. Появление плохих проектов с китайским участием усиливает антикитайские настроения.

В ноябре 2019 года в Киргизии тысячи людей протестовали против контрабанды и коррупции на границе с Китаем. Поводом стала публикация совместного расследования, которое провели Центр по исследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP), Радио «Азаттык» (киргизское отделение американской некоммерческой медиакорпорации «Радио Свобода») и киргизское издание Kloop.kg. В расследовании была подробно описана схема подтасовки документов на киргизо-китайской границе.

Подобные случаи происходили и на казахско-китайской границе. Самое крупное уголовное дело в Казахстане — «Хоргосское» — яркий тому пример. В 2013 году в ходе расследования выяснилось,

что 45 сотрудников Комитета нацбезопасности и таможенной службы Казахстана были замешаны в контрабанде товаров из Китая.

На границах стран Центральной Азии с Китаем коррупция и другие проблемы наблюдаются еще с середины 2000-х, что легко заметить при сравнении китайских и казахских или киргизских статистических данных. Товарооборот между КНР и Казахстаном, по китайской и казахстанской статистике, в 2018 году составил $19,9 млрд и $11,7 млрд соответственно; с Киргизией — $5,6 млрд и $2 млрд.

Китай — важный инвестор в регионе, но вместе с ростом совместных проектов растут и долги Центральной Азии

Китай — важный инвестор в регионе, но вместе с ростом совместных проектов растут и долги Центральной Азии. В зоне риска находятся Бишкек и Душанбе. Киргизия брала в Китае 45% всех внешних займов ($1,7 млрд). У Таджикистана — $1,2 млрд (52% всех внешних займов). Долги этих двух стран перед Китаем составляют более 20% их ВВП. В других государствах региона ситуация лучше: Туркмения должна Китаю 16,9% своего ВВП, Узбекистан — 16%, Казахстан — 6,5%.

Таджикистану уже сейчас сложно обслуживать свои кредиты, и руководство страны ищет выход из ситуации. Крупная китайская компания TBEA получила право добывать золото из рудников «Восточный Дуоба» и «Верхний Кумарг» до тех пор, пока не возместит потраченные в 2016 году на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» $331,5 млн, полученные от Экспортно-импортного банка Китая.

Усугубляют ситуацию коррупционные скандалы и непрозрачность соглашений между китайскими и местными компаниями.

Китай, Россия и остальные

Китай постепенно закладывает фундамент для строительства Pax Sinica в Центральной Азии. Особенно успешно ему это удается ему на уровне отдельных отраслей экономики. Однако такая политика Пекина сталкивается с ограничениями внутри Центральной Азии и за ее пределами.

В самом регионе общество не желает видеть свое государство в слишком сильной зависимости от Китая. Протесты все чаще

приводят к реальным последствиям: в Казахстане после земляных бунтов 2016 года власти ввели мораторий на продажу земли иностранным гражданам и юридическим лицам с иностранным участием. В Киргизии в феврале 2020-го китайская компания из-за протестов отказалась от планов вложить $280 млн в строительство индустриально-торгового логистического центра в Нарынской области.

К тому же в Центральной Азии есть и другие важные внешние игроки. Многие рассматривают Россию как главного соперника Китая в регионе. Политическое влияние Москвы, действительно, велико, и она не раз демонстрировала это — местные элиты как минимум держат Кремль в курсе происходящих событий или обращаются за помощью во время конфликтов внутри руководства. Не стоит сбрасывать со счетов и российское экономическое влияние: Казахстан и Киргизия входят в Евразийский экономический союз, а совокупный товарооборот России с регионом превышает $25 млрд.

Москва не может конкурировать с Пекином в Центральной Азии: структура экономики никогда не позволит России стать крупным покупателем сырья. Поэтому со стороны Москвы тут скорее речь о конкуренции со странам и Центральной Азии за китайский рынок.

Но Москва не может конкурировать с Пекином в Центральной Азии: структура экономики никогда не позволит России стать крупным покупателем сырья. Поэтому со стороны Москвы тут скорее речь о конкуренции со странами Центральной Азии за китайский рынок.

Прежде всего, Москве отводится роль военного балансира в регионе. Руководства стран Центральной Азии хотят сохранить влияние России для противовеса китайским интересам. Получается формула: Китай преимущественно отвечает за развитие экономики и добычу ресурсов, а Россия остается главным гарантом безопасности через Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Такая конструкция выгодна не только странам региона, но и Китаю. У Москвы и Пекина больше совпадающих интересов в Центральной Азии, чем противоречий.

Центральная Азия всегда стремилась к тому, чтобы сохранялся

баланс между внешними игроками. Сегодня свои форматы сотрудничества с регионом есть у многих стран: «С5 + 1», разработанный в США; стратегия Евросоюза в отношении Центральной Азии; политика Индии «Объединяя Центральную Азию»; диалог «Центральная Азия плюс Япония»; «Евразийская инициатива» Южной Кореи; Тюркский совет Турции.

Соединенные Штаты, когда-то бывшие важным игроком в регионе, сегодня способны лишь реагировать на события, происходящие в центральноазиатских странах. Состоявшийся в начале февраля 2020 года официальный визит госсекретаря США Майка Помпео в Казахстан и Узбекистан стал лишним тому подтверждением. Первый за пять лет визит американского дипломата высшего уровня в Центральную Азию был практически полностью был посвящен Китаю.

Страны Европейского союза и США не в состоянии стать альтернативой Китаю ни в торговой, ни в инвестиционной сферах. Пока Евросоюз остается одним из главных инвесторов в экономики центральноазиатских стран, но и тут баланс постепенно смещается в сторону Китая.

Западные страны не могут взять на себя и вопросы региональной безопасности: такие действия встретили бы сопротивление со стороны Москвы и Пекина. Более того, местные власти настроены довольно осторожно к западному военному присутствию, учитывая опыт сотрудничества в 2000-х.

Чем активнее Пекин будет расширять свое влияние в странах Центральной Азии, тем сильнее будет сопротивление

Рост китайского влияния в странах Центральной Азии и его выход за пределы чисто экономических вопросов вызывает отторжение и беспокойство и в самом регионе, и за его пределами. Чем активнее Пекин будет расширять там свое влияние, тем сильнее будет сопротивление.

В связи с этим необходимыми представляются следующие действия.

Честный, скорее непубличный российско-китайский разговор об ограничительных линиях политики Москвы и Пекина в регионе. Сторонам нужно знать, где проходят границы интересов, что допустимо, а что нет. Необходим также некий канал согласования действий, прежде всего в сфере безопасности.

Честный разговор о Китае между государствами Центральной Азии

и Россией на формальном и неформальном уровнях.

Со стороны России — укрепление связей внутри Евразийского экономического союза. Это поможет воспрепятствовать попаданию стран Центральной Азии в бóльшую зависимость от Китая. Надо продолжать институционализацию ЕАЭС. Союз должен существовать по прописанным на бумаге правилам и не зависеть от доминирующего положения России в ЕАЭС. Только тогда страны-участницы увидят в нем выгодную альтернативу китайскому присутствию.

Странам Запада стоит сконцентрироваться на обмене опытом и лучших мировых практиках для инфраструктурных проектов. Важно, чтобы эти проекты максимально защищали права местных граждан, способствовали локализации производства, соответствовали экологическим стандартам и так далее. Хороший пример — инвестиции в рамках Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Такие действия отвечали бы интересам как местных обществ, так и самого Китая. И тогда, возможно, некоторые проекты инициативы «Пояса и пути» перестали бы ассоциироваться с коррупционными скандалами, и репутация Китая в регионе улучшилась.

Данная публикация подготовлена Московским Центром Карнеги в рамках проекта «Российско-китайская антанта», реализуемого при поддержке Министерства иностранных дел и по делам Содружества (Великобритания), и публикуется (с сокращениями) с разрешения правообладателя.

Темур Умаров

Темур Умаров (Temur Umarov) – научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии. Его исследовательские интересы сосредоточены на внутренней и внешней политике государств Центральной Азии, а также отношениях Китая с Россией и со странами бывшего СССР..